

С. М. ХАЙДАКОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛИЧНОГО СПРЯЖЕНИЯ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Современные дагестанские языки не обнаруживают единства в отношении выражения категории лица в глаголе. В даргинском, лакском, а из лезгинских — в табасаранском и удинском — принцип личного спряжения глаголов проводится довольно последовательно. В прочих лезгинских языках (частично — за исключением также цахурского), как и в андо-цезских (за исключением ахвахского и гунзибского) глагол вообще не изменяется по лицам, и поэтому одна временная глагольная форма, как правило, обслуживает все без исключения личные и лично-указательные местоимения (например: арчинск. *арIин* «читаю, читаешь, читает, читаем, читаете, читают»). В свою очередь, в гунзибском, ахвахском, аварском и цахурском языках прослеживается лишь тенденция к вычленению особой формы глагола для обслуживания 1-го лица, причем здесь эта тенденция не является всеохватывающей.

Можно полагать, таким образом, что в этих последних из названных языков формы личного спряжения вошли в глагольную парадигматику позже прочих словоизменительных форм; иначе говоря, на определенном этапе развития в словоизменительной парадигме дагестанского глагола отсутствовали специальные формы, выражающие по принципу оппозиции отдельные грамматические лица. Как показывает материал этих языков, формирование личного спряжения прямо и непосредственно связано с тенденцией, направленной на обособление формы глагола 1-го лица как лица личности и на противопоставление этой формы, согласуемой с местоимением «я» (а иногда и «мы»), форме остальных лиц посредством специальных аффиксов. Противопоставление формы глагола, согласуемой с местоимением «я» (как обобщенного выражения личности), прочим формам привело, в свою очередь, к возникновению оппозиции глагольных форм внутри отдельной микропарадигмы. Вследствие этого единая микропарадигма стала обслуживаться минимум двумя формами глагола, причем одна из них стала преимущественно формой выражения 1-го лица.

Таким образом возникла морфологическая оппозиция, в которой форма 1-го лица (а не форма 2-го лица) находится в оппозиции к форме, обслуживающей остальные лица. Такая оппозиция глагольных форм характерна не для всей системы грамматических времен того или иного из этих языков в целом, а только для одного из времен — преимущественно для презенса или перфекта. Форма, согласуемая с 1-м лицом, большей частью является производной от формы остальных лиц.

Из грамматических времен синтетического образования в гунзибском языке только настоящее время имеет оппозицию личных глагольных форм¹.

да <i>э́кье-ч</i> «я иду»	иле <i>ме́кье-ч</i> «мы идем»
ма <i>э́кье</i> «ты идешь»	миже <i>ме́кье</i> «вы идете»
гэ <i>э́кье</i> «он идет»	эгра <i>ме́кье</i> «они идут»

¹ См.: Е. А. Бокарев, Цезские (дидойские) языки Дагестана, М., 1959, стр. 49.

Форма на *-ч* по своей функциональной природе является синтагматической: в препозиции перед существительным она выполняет функцию причастия (*Экьеч кид* «идущий мальчик»), в постпозиции — функцию спрягаемой формы (*дэ Экьеч* «я иду»). Как видно из парадигмы, глагольная форма на *-ч* является производной от глагольной формы остальных лиц. Числовая парадигма в глагольной системе образуется посредством классных показателей; в приведенных примерах нулевой показатель в формах ед. числа противопоставлен показателю *м* в формах мн. числа.

В северном диалекте ахвахского языка личная парадигма характерна только для синтетической формы перфекта². Остальные грамматические времена, в том числе и презенс, не имеют личной парадигмы и, следовательно, морфологической оппозиции глагольных форм. Здесь так же, как и в гунзибском, прослеживается принцип противопоставления глагольных форм 1-го лица глагольным формам, обслуживающим остальные лица. Однако оппозиция этих глагольных форм наблюдается в разных грамматических временах: в гунзибском — в презенсе, в ахвахском — в перфекте.

Дифференциальными признаками ахвахских глагольных форм, обслуживающих 1-е лицо, являются особые согласовательные морфемы, близкие по своей функциональной природе к классным показателям. Согласовательная морфема *-до* по своей функции соотносится с показателем I грамматического класса *в*, а согласовательная морфема *-де* с показателями II и III грамматических классов *й* и *б*. Во мн. числе морфема *ди* соотносится с показателем класса личности *б*, а морфема *-де* — с показателем класса *р*. Упомянутые морфемы факультативно являются и аффиксами числовой парадигмы. Аффиксом прочих лиц является комплекс *ри*.

<i>деде вохе-до</i> (I кл.)	<i>йехе-де</i> (II кл.)	«я взял»
<i>меде вохе-ри</i>	<i>йехе-ри</i>	«ты взял»
<i>гьудуссве вохе-ри</i>	<i>й-ехе-ри</i>	«он взял»
<i>иссе беги-ди</i>	<i>рехе-де</i>	«мы взяли»
<i>уцде беги-ри</i>	<i>рехе-ри</i>	«вы взяли»
<i>гьудоде беги-ри</i>	<i>рехе-ри</i>	«они взяли»

В закатальском диалекте аварского языка, как и в ахвахском, перфектные формы, обслуживающие 1-е лицо, также маркируются классными показателями³. Следовательно, форма 1-го лица, снабженная классными показателями, морфологически противопоставляется форме остальных лиц парадигмы перфекта.

<i>дун вагъила-в, веро-в, вортоло-в</i>	«я дрался, пришел, упал»
<i>мун вагъила, вера, ворта</i>	«ты дрался, пришел, упал»
<i>дав вагъила, вера, ворта</i>	«он дрался, пришел, упал»

В системе грамматических времен цахурского языка также довольно четко прослеживается тенденция, связанная с обособлением глагольных форм 1-го лица от соответствующих форм остальных лиц. Здесь в одной микропарадигме настоящего времени морфологическую оппозицию составляют синтетические формы разного происхождения; ср. *зы ойкІан-ан* «я пишу» и *гъу ойкІан-од* «ты пишешь», *зы ойкІан-одун* «я пишу» и *гъу ойкІан-од* «ты пишешь». В форме 1-го лица вычленяется презентное деепричастие (*ойкІан* «записывая») и аффикс *-ан*; общая для 2 и 3-го лиц форма *ойкІан-од*, помимо того же деепричастия, включает в себя усеченную десемантизированную форму вспомогательного глагола *вод* «есть, имеется». В целом синтетическая форма *ойкІанод* (*ойкІанодун*) произошла от аналитической (*ойкІан вод/водун* «записывает» < «записывая есть») в результате слияния этих компонентов.

² З. М. Магомедбекова, Ахвахский язык, Тбилиси, 1967, стр. 79.

³ См. А. А. Бокарев, Синтаксис аварского языка, М.—Л., 1949, стр. 18.

Возникает вопрос: нельзя ли, опираясь на описанные выше формы личного спряжения гунзибского, ахвахского, аварского и цахурского языков, объяснить распространение принципа личного спряжения в тех дагестанских языках, где этот принцип ныне проводится более последовательным образом. Думается, что до некоторой степени можно, и этому способствует тот факт, что в некоторых диалектах даргинского и лакского языков прослеживается тождественное или близкое к описанному состояние. Как и в гунзибском, ахвахском, аварском, цахурском языках, исходной формой, на базе которой стало формироваться личное спряжение, является словоформа 1-го лица ед. и мн. числа — с ее возникновением появилась оппозиция глагольных форм в пределах одной микропарадигмы.

В даргинских и лакских диалектах сосуществуют формы личного спряжения, которые отражают разные этапы формирования данной категории: формы более архаичные и формы, возникшие сравнительно недавно. Более древними, по нашим наблюдениям, являются такие глагольные формы, которые ныне обслуживают 3-е лицо (например, дарг. *белкIун* «он написал»); до возникновения личного спряжения они обслуживали всю микропарадигму, как это имеет место в тех дагестанских языках, в которых личное спряжение не получило развития. Ближе к нам по временной оси располагаются формы, обслуживающие 1-е лицо (дарг. *нуни белкIунра* «я написал», *нушани белкIунра* «мы написали»), и, наконец, к третьему, самому позднему пласту относятся формы, обслуживающие преимущественно 2-е лицо (дарг. *хIуни белкIунри* «ты написал», *хIушани белкIунря* «вы написали»).

Наличие в микропарадигме двух производящих основ, маркированных разными аффиксами, является также признаком гетерогенного происхождения личных форм и, следовательно, личного спряжения в целом. Так, в мегебском диалекте даргинского языка сохранилось наиболее древнее состояние личного спряжения. Особенностью мегебского спряжения оказывается обособление формы 1-го лица обоих чисел от единой формы, существующей для прочих лиц.

<i>нуни буци-ра</i>	«я поймал»,	<i>ну лев-ра</i>	«я есмь»
<i>хIуни буциб</i>	«ты поймал»,	<i>хIу лев</i>	«мы есть»
<i>итини буциб</i>	«он поймал»	<i>ит лев</i>	«он есть» ⁴ .

Из приведенных примеров видно, что аффиксом формы 1-го лица является *-ра*, характерный для всех даргинских диалектов акушинского типа. Производящей основой для формы 1-го лица, как правило, является форма, обслуживающая прочие лица микропарадигмы: ср. *лев* (2 и 3-е лица) и *лев-ра* (1-е лицо) «есмь, имеюсь».

С большой долей вероятности можно утверждать, что формирование личного спряжения в даргинском языке на первых порах характеризовалось обособлением специальной формы, призванной обслуживать только 1-е лицо обоих чисел и не являющейся ни причастием, ни деепричастием, ни тем более — инфинитивом.

В системе грамматических времен лакского языка имеются три микропарадигмы, каждая из которых строится также по принципу оппозиции глагольных форм 1-го лица глагольным формам остальных лиц. Этими грамматическими временами являются перфект, футурум и диалектная форма презенса; каждое из них строится по принципу двух основ.

⁴ С. М. Г а с а н о в а, Очерки даргинской диалектологии, Махачкала, 1971, стр. 150.

Для перфекта дифференциальными признаками форм 1-го лица являются аффиксы *-ав* (ед. число), *-арду* (мн. число), которые противопостоят аффиксу *-ни* форм прочих лиц:

<i>на лас-ав</i>	«Я взял»	<i>жу лас-арду</i>	«Мы взяли»
<i>ина ласун-ни</i>	«Ты взял»	<i>зу ласун-ни</i>	«Вы взяли»
<i>танал ласун-ни</i>	«Он взял»	<i>тайннал ласун-ни</i>	«Они взяли».

В футуруме аффиксам 1-го лица *-на* (ед. число), *-ну* (мн. число) в остальных лицах противопостоят аффикс *-р*:

<i>на ласун-на</i>	«Я возьму»	<i>жу ласун-ну</i>	«Мы возьмем»
<i>ина ласун-сса-р</i>	«Ты возьмешь»	<i>зу ласун-сса-р</i>	«Вы возьмете»
<i>танал ласун-сса-р</i>	«Он возьмет»	<i>тайннал ласун-сса-р</i>	«Они возьмут».

Обе микропарадигмы строятся по принципу двух основ, т. е. в перфекте: связанная основа (в 1-м лице) — именная форма глагола, которой является дееспричастие (в остальных лицах); в футуруме представлены исключительно именные формы глагола, т. е. инфинитив (в 1-м лице) и причастие на *-сса* (в остальных лицах).

Диалектный вариант презенса (форма аракульского диалекта лакского языка) также строится по тому же типу двух основ, что и перфект и футурум, а вариант литературного языка отражает дальнейший этап в развитии личного спряжения: презенсные формы 1-го лица распространили сферу своего действия и на местоимения 2-го лица, став их выразителями. На этой почве возникла новая оппозиция: формы 1 и 2-го лиц противопоставляются форме 3-го лица. Например:

А р а к у л ь с к. д и а л е к т	Л а к с к. л и т е р. я з ы к
<i>на чича-ра</i>	<i>на чича-ра</i> «Я пишу»
<i>вина чиче-р</i>	<i>ина чича-ра</i> «Ты пишешь»
<i>ванал чиче-р</i>	<i>ванал чичей</i> «Он пишет»
<i>жу чича-ру</i>	<i>жу чича-ру</i> «Мы пишем»
<i>зу чиче-р</i>	<i>зу чича-ру</i> «Вы пишете»
<i>вендал чиче-р</i>	<i>вайннал чичей</i> «Они пишут» ⁵ .

Следовательно, формирование личного спряжения в даргинском и лакском языках теснейшим образом связано с вычленением особой формы (форм) 1-го лица обоих чисел, которая противопостоят форме, обслуживающей остальные лица. Оппозиция формы 1-го лица форме (или формам) прочих лиц реализуется разными средствами, в том числе использованием различных именных форм глагола в качестве производящих основ, из которых одна становится основой формы (форм) 1-го лица. По такому принципу формировались, в частности, футурум и перфект лакского языка: инфинитив дает формы 1-го лица футурума (*лас-ун* «взять» — *ласун-на* «возьму», *ласун-ну* «возьмем»), а причастие в свою очередь — форму, согласующуюся с остальными лицами (*ласун-сса* «то, что будет взято» — *ласунсса-р* «возьмешь, возьмете, возьмет, возьмут»). Перфектное причастие лежит в основе форм 1-го лица перфекта (*бивз* «вставшая» — *бивз-ра* «встала [я]», *бивз-ру* «встали [мы]»), а перфектное дееспричастие дает форму, обслуживающую остальные лица (*бивзун* «встав» — *бивзун-ни* «встала [ты, она]», «встали [вы, они]»).

Производящая основа в микропарадигме может быть одна: она используется в качестве формы 2 и 3-го лица, а от нее производится форма (формы) 1-го лица. Такая оппозиция характерна для настоящего времени гун-

⁵ См.: Н. Д ж и д а л а е в, Некоторые вопросы личного спряжения в лакском языке, «Уч. зап. [ИИЯЛ Даг. филиал АН СССР]», XII (Серия филолог.), 1964; С. М. Х а и д а к о в, Очерки по лакской диалектологии, М., 1966, стр. 170.

зибского языка: здесь презентное причастие с аффиксом *-ч*, используемое в качестве формы 1-го лица, образуется от спрягаемой формы глагола (*экье* «пишешь, пишет» и *экье-ч* «пишу, пишем» ~ «пишущий»). Личное спряжение мегебского диалекта даргинского языка также базируется на одной производящей основе: форма 1-го лица имеет особую маркировку и является производной от формы остальных лиц: *буциб* «привел, привела, привели [ты, он, она, они]» (2 и 3-е лица) — *буци-ра* «привел, привела (я)», «привели (мы)» (конечный согласный *б* производящей основы при образовании формы 1-го лица выпадает).

В личном спряжении даргинского литературного языка появились две сравнительно новые формы, которые оттеснили и значительно сузили зону функционирования формы на *-иб* (в других глагольных формах *-уб*, *-ун* и т. д.). Одна из них, маркированная аффиксом *-ри*, обслуживает 2-е лицо ед. числа, а другая с аффиксом множественности *-йа* (-я) обслуживает 2-е лицо мн. числа. Что касается глагольной формы на *-иб* (*-уб*, *-ун*), то она в парадигме даргинского литературного языка обслуживает преимущественно 3-е лицо обоих чисел:

<i>нуни буци-ра</i>	«я привел»	<i>нушани буци-ра</i>	«мы привели»
<i>хIуни буци-ри</i>	«ты привел»	<i>хIушани буци-ра-я</i>	«вы привели»
<i>итди буциб</i>	«он привел»	<i>итдани буциб</i>	«они привели».

Другой из возможных путей развития личного спряжения представлен в ахвахском языке (в северном его диалекте), где обе личные формы перфекта образуются от основы связанного типа (*деде бехе-де* «я купил», *меде бехе-ри* «ты купил», *гьудусове бехе-ри* «он купил»).

В табасаранском и удинском аффикс каждой личной глагольной формы материально восходит к конкретному местоимению. К исходу производящей основы присоединяются отдельные элементы личных местоимений (это характерно для личного спряжения табасаранского языка: *узу бикIура-за* «я пишу», *уву бикIура-ва* «ты пишешь», *ухъу бикIура-хъа* «мы пишем», *учву бикIура-чва* «вы пишете») или полные формы их, в ряде случаев претерпевшие фонетические изменения в результате метатезы или регрессивной ассимиляции (так, в удинском языке: *зу уьгъал-зу* «я пью», *ун уьгъал-ну* «ты пьешь», *йан уьгъал-йан* «мы пьем», *ваън уьгъал-нан* «вы пьете»). Таким образом, формирование и развитие личного спряжения в этих лезгинских языках, по-видимому, происходило иначе, чем в лакском и даргинском языках.